

Бера Полюскава

Эмэла Наборэа

ф о т о с и н т е з

Вера Полозкова

Фотосинтез

Издательство "Livebook/Гаятри"

2013

Полозкова В. Н.

Фотосинтез / В. Н. Полозкова — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2013

Фотосинтез – здесь: процесс образования органического вещества из поэзии и фотографии на свету при участии некоторых пигментов. Под фотосинтезом иногда понимается совокупность процессов поглощения, преобразования и использования неких квантов света, звука и вообще жизни в создании рифмы и фотоизображения, а также обращения их в смысловое единство.

© Полозкова В. Н., 2013
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2013

Содержание

Вместо вступления	5
"Или даже не бог, а какой-нибудь его зам..."	6
Блокада	8
Хвала отчаявшимся	9
"Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой..."	11
Игорю, в дорогу...	12
Это Гордон Марвел	13
По капле, по словцу, по леденцу	15
"Все тебе оправдываться – а мне утверждать и сметь..."	16
Рассчитай меня, Миша	17
"Полбутылки рома, два пистолета..."	19
«Вот когда мы бухали, плакали или грызлись...»	20
Грейс	21
От меня до тебя	23
Чёрный квартал	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Фотосинтез

Вера Полозкова, Ольга Паволга

Мике

Вместо вступления

огромный город – не хватает глаз —
прокуренный от шахт до антресолей,
и где-то в глубине сидим мы с олей
и поглощаем углекислый газ.
есть что-то, что обязывает нас.
вот пёс, что дремлет, старый и ничей,
в сололке мелких солнечных лучей,
вот горький ветер, ниоткуда родом —
они обычно служат поворотом
каких-то тайных внутренних ключей.
и оля с камерой идет по огородам,
а я ищу словцо погорячей.
то, что получится, и будет кислородом.
мы фабрики счастливых мелочей.
идет состав одышливый вдали,
мальчишка паучка кладет за плитус,
и бабушки за хлебушек – «подвиньтесь!» —
отсчитывают звонкие рубли, —
все это чёрно-белый фотосинтез.
а мы такие легкие
земли.

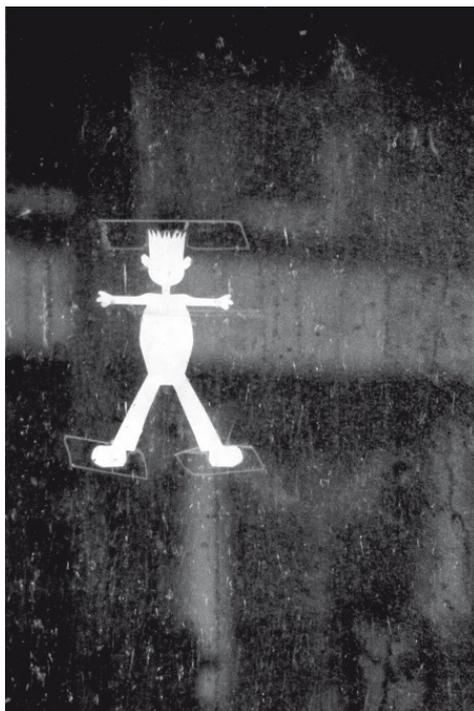
"Или даже не бог, а какой-нибудь его зам..."

Или даже не бог, а какой-нибудь его зам
поднесет тебя к близоруким своим глазам
обнаженным камушком, мертвым шершнем
и прольет на тебя дыхание, как бальзам,
настоящий рижский густой бальзам,
и поздравит тебя с прошедшим
– с чем прошедшим?
– со всем прошедшим.

покатает в горсти, поскоблит тебя с уголка —
кудри слабого чаю
лоб сладкого молока
беззащитные выступающие ключицы
скосишь книзу зрачки – плывут себе облака,
далеко под тобой, покачиваясь слегка
больше ничего с тобой
не случится

– ну привет, вот бог, а я его генерал,
я тебя придирчиво выбирал
и прибрал со всем твоим
барахлишком
человеческий, весь в прожилочках, минерал,
что-то ты глядишь изумленно слишком
будто бы ни разу
не умирал

3 сентября 2008 года

Блокада

Отозвали шпионов, собкоров, детей, послов; только террористы и пастухи. В этот город больше не возят слов, мы беспомощны и тихи – собираем крошки из-под столов на проклятия и стихи.

Те, кто раньше нас вроде как стерёг – производят стрельбу и ложь; лица вспарывает ухмылками поперёк, заливает их потом сплошь. Выменяй ружье на пару своих серёг и сиди говори «ну что ж»; смерть – неверная баба: прогнал и проклял, страдать обрёк, а хотеть и ждать не перестаешь.

Лето в оккупации – жарит так, что исходишь на соль и жир. Я последний козырь для контраг, зазевавшийся пассажир – чемодан поставлю в углу, и враг вывернется мякотью, как инжир; слов не возят, а я на ветер их, как табак, я главарь молодых транжир.

Слов не возят, блокада, дикторов новостей учат всхлипывать и мычать. В сто полос без текста клеймит властей наша доблестная печать. В наших житиях, исполненных поздних вставок, из всех частей будут эту особой звездочкой помечать – мол, «совсем не могли молчать».

Раздают по картам, по десять в сутки, и то не всем – «как дела», «не грусти», «люблю»; мне не нужно, я это все не ем, я едва это все терплю. Я взяла бы «к черту» и «мне не надо чужих проблем», а еще «все шансы равны нулю».

Бросили один на один с войной, наказали быть начеку. Теперь все, что было когда-то мной, спит не раздеваясь, пьет из горла и грызет щеку. И не знаешь, к кому тащиться такой смурной – к психотерапевту или гробовщику.

Дорогой товарищ Небесный Вождь, утолитель духовных жажд. Ниспошли нам, пожалуйста, мир и дождь, да, и хлеб наш насущный даждь. Я служу здесь осени двадцать две, я стараюсь глядеть добрей. Если хочешь пыточных в голове —

Не в моей.

19 августа 2008 года.

Хвала отчаявшимся

Хвала отчаявшимся. Если бы не мы,
То кто бы здесь работал на контрасте.
Пока живые избегают тьмы,
Дерутся, задыхаются от страсти,
Рожают новых и берут займы,
Мы городские сумрачные власти.
Любимые наместники зимы.

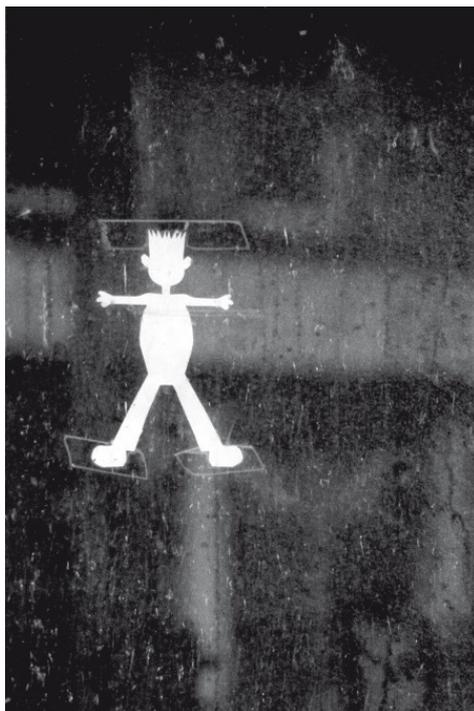
Хвала отчаянью. Оно имеет ген
И от отца передается к сыну.
Как ни пытались вывести вакцину —
То нитроглицерин, то гексоген.
В больницах собирают образцы, ну
И кто здоров и хвалит медицину —
Приезжий.
Кто умрет – абориген.

Хвала отчалившим. Счастливого пути.
Погрузочный зашкаливает счетчик
На корабле – ко дну бы не пойти,
У океана слабый позвоночник.
В Ковчег не допускают одиночек,
И мы друг к другу в гости к десяти
Приходим с тортиком.
Нас некому спасти.

Хвала Отчизне. Что бы без нее
Мы знали о наркотиках и винах,
О холоде, дорогах, херувимах,
Родителях и ценах на сырье.

Отчаянье, плоды неуязвимых.
Мы доблестное воинство твое.

8 августа 2008 года.

"Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой..."

Мать-одиночка растит свою дочь скрипачкой,
Вежливой девочкой, гнесинской недоучкой.
«Вот тебе новая кофточка, не испачкай».
«Вот тебе новая сумочка с крепкой ручкой».

Дочь-одиночка станет алкоголичкой,
Вежливой тётечкой, выцветшей оболочкой,
Согнутой чёрной спичкой, проблемы с почкой.
Мать постареет и все, чем ее ни пичкай,
Станет оказывать только эффект побочный.

Боженька нянчит, ни за кого не прочит,
Дочек делить не хочет, а сам калечит.
Если графа «отец», то поставлен прочерк,
А безмянный палец – то без колечек.
Оттого, что ты, Отче, любишь нас больше прочих,
Почему-то еще ни разу не стало
легче.

27 июля 2008 года.

Игорю, в дорогу...

Здесь мы расстанемся. Лишнего не люблю.
Наведишь каким-нибудь теплым антициклоном.
Мы ели сыр, запивали его крепленным,
Скидывались на новое по рублю.
Больше мы не увидимся.
Я запомню тебя влюбленным,
Восемнадцатилетним, тощим и во хмелю.

Знали только крайности, никаких тебе средин.
Ты хорошо смеялся. Я помню эти
Дни, когда мы сидели на факультете
На обшарпанных подоконниках, словно дети,
Каждый сам себе плакальщик, сам себе господин.
Мы расстанемся здесь.
Ты дальше пойдешь один.

Не приеду отпеть. Тут озеро и трава,
До машины идти сквозь заросли, через насыпь.
Я не помню, как выживается в восемнадцать.
Я не знаю, как умирается в двадцать два.
До нескорого. За тобой уже не угнаться.
Я гляжу тебе вслед, и кружится голова.

24 июля 2007 года

Это Гордон Марвел

Это Гордон Марвел, похмельем дьявольским не щадимый.
Он живет один, он съедает в сутки по лошадиной
Дозе транквилизаторов; зарастает густой щетиной.
Страх никчемности в нем читается осязаемый.
По ночам он душит его, как спрут.

Мистер Марвел когда-то был молодым и гордым.
Напивался брютотом, летал конкордом,
Обольщал девчонок назло рекордам,
Оставлял состояния по игорным
Заведениям, и друзья говорили – Гордон,
Ты безмерно, безмерно крут.

Марвел обанкротился, стал беспомощен и опаслив.
Кое-как кредиторов своих умаслив,
Он пьет теплый Хольстен, листает Хастлер.
Когда Гордон видит, что кто-то счастлив
Его душит черный, злорадный смех.

И в один из июльских дней, что стоят подолгу,
Обжигая носы отличнику и подонку,
Гордон злится: «Когда же я наконец подохну», —
Ангел Габриэль приходит к нему под окна,
Молвит: «Свет Христов просвещает всех».

Гордон смотрит в окно на прекрасного Габриэля.
Сердце в нем трепыхается еле-еле.
И пока он думает, все ли это на самом деле
Или транквилизаторы потихоньку его доели,
Габриэля уже поблизости нет как нет.

Гордон сплевывает, бьет в стенку и матерится.
«И чего теперь, я кретин из того зверинца,
Что сует брошюрки, вопит «покаяться» и «смириться»?
Мне чего, завещать свои мощи храму? Сходить побриться?»

* * *

Гордон, не пивший месяц, похож на принца.
Чисто выбритый он моложе на десять лет.

По утрам он бегаёт, принимает холодный душ,

застилает себе кровать.
Габриэль вернется, тогда-то уж
можно будет с ним и о деле потолковать.

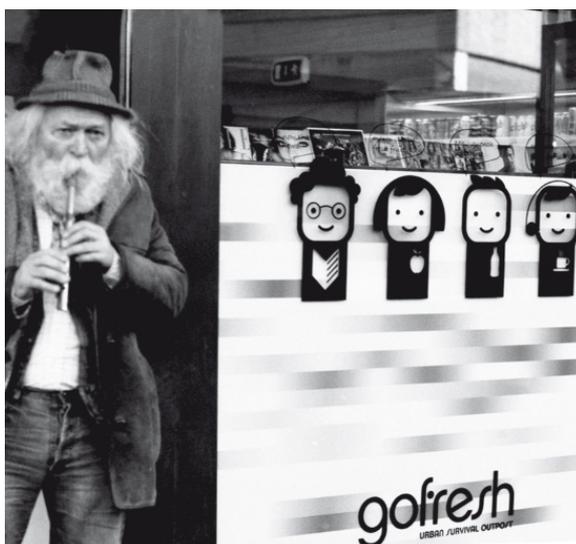
14 июля 2008 года

По капле, по словцу, по леденцу

По капле, по словцу, по леденцу,
Из воздуха, из радиоэфира,
По номерам, как шарики в лото,
Выкатываясь, едут по лицу
И достигают остального мира
И делают с ним что-нибудь не то

Мои стихи. Как цепь или гряда,
Как бритые мальчишки в три ряда,
Вдоль плаца, по тревоге чрезвычайной
Моею расставляются рукой.
Стоят и дышат молча. И всегда
Выигрывает кто-нибудь случайный.
Выигрывает кто-нибудь другой.

11 июля 2008 года

"Все тебе оправдываться – а мне утверждать и сметь..."

Все тебе оправдываться – а мне утверждать и сметь.
Все тебе позвякивать – мне греметь,
Все тебе стараться – а мне уметь,
У тебя станок – у меня огонь, океан и медь,
Да и методы, так и так, поальтернативнее.
Мне придумать – тебе скривиться и осмеять,
Мне идти и идти вперед – а тебе стоять;
Тебе вечно учить историю – мне войти в нее
Аж по самую
деревянную
рукоять.

От меня ждут свершений – а от тебя беды,
Мои руки мощны – твои худы,
Я полна грозового воздуха – ты воды,
Пусть прозрачной, медленной и красивой.
Тот, кто шел со мной рядом, гладил по волосам,
Был причастен к тайнам и чудесам,
А потом отпустил рукав и сказал «я сам», —
Тот отбрасывается прочь центробежной силой
Прямо под ноги
беспокойным
бродячим
псам.

9 июля 2008 года

Рассчитай меня, Миша

Рассчитай меня, Миша. Ночь, как чулок с бедра,
Оседает с высоток, чтобы свернуться гущей
В чашке кофе у девушки, раз в три минуты лгущей
Бармену за стойкой, что ей пора,
И, как правило, остающейся до утра.

Её еле хватило на всю чудовищную длину
Этой четверти; жаль, уже не исправить троек.
Каждый день кто-то прилепляет к ее окну
Мир, похожий на старый выцветший полароид
С места взрыва – и тот, кто клялся ей, что прикроет,
Оставляет и оставляет ее одну.

Миша, рассчитай ее. Иногда она столько пьёт,
Что перестает ощущать отчаянье или голод,
Слышит скрежет, с которым ты измельчаешь лёд,
Звук, с которым срывается в небо голубь,
Гул, с которым садится во Внукове самолёт.
Вещи, для которых все еще нет глаголов.

Мама просит меня возвращаться домой до двух.
Я возвращаюсь после седьмого виски.
В моем внутреннем поезде воздух горяч и сух,
Если есть пункт прибытия – путь до него неблизкий,
И Иосиф Бродский сидит у меня в купе, переводит дух
С яростного русского на английский.

Там, за баром, укрывшись, спрятав в ладони нос,
Мальчик спит, в драных джинсах, худ, как военнопленный.
В этом городе устаешь и от летних гроз, —
Был бы Бог милосерд – заливал бы монтажной пеной.
Рассчитай меня, Миша. Меня и мой постепенный,
Обстоятельный,
предрассветный
хмельной
невроз.

5 июля 2008 года.

"Полбутылки рома, два пистолета..."

Полбутылки рома, два пистолета,
Сумка сменной одежды – и всё готово!
Вот оно какое наше лето...
Вообще ничего святого!

Нет! Я против вооружённого хулиганства,
Просто с пушкой слова доходчивее и весче!
Мне 25. Меня зовут Фокс – я гангстер,
Я объясняю людям простые вещи —

Мол, вот это мое. И это мое. И это.
Голос делается уверенный, возмужалый.
И такое оно прекрасное, наше лето.
Мы когда умрем, поселимся в нем, пожалуй.

28 июня 2008 года.

«Вот когда мы бухали, плакали или грызлись...»

Яше

Вот когда мы бухали, плакали или грызлись —
Выделялось какое-то жизненно важное вещество.
Нам казалось, что это кризис.
На деле, кризис —
Это ни страдать, ни ссориться, ничего.

Раньше было мало ответов; теперь не стало самих вопросов.
Мониторы, турбины, кнопочки вправо-влево, вперед-назад.
Как все это заставить летать, отбросив
Смысл жизни, которому – здравствуйте, друг Иосиф, —
Ни прислать ребяток,
ни сунуть денег,
ни приказать?

23 июня 2008 года

Грейс

Когда Стивен уходит, Грейс хватается инерции
продержаться двенадцать дней.
Она даже смеется – мол, Стиви,
это идиотизм, но тебе видней.
А потом небеса начинают гнить
и скукоживаться над ней.
И становится все темней.

Это больше не жизнь, констатирует Грейс, поскольку товаровед:
Безнадёжно утрачивается форма, фактура, цвет;
Ни досады от поражений, ни удовольствия от побед.
Ты куда ушел-то, кретин, у тебя же сахарный диабет.
Кто готовит тебе обед?

Грейси продает его синтезатор —
наверяд ли этим его задев или отомстив.
Начинает помногу пить,
совершенно себя забросив и распутив.
Все сидит на крыльце у двери,
как бессловесный большой мастиф,
Ждет, когда возвратится Стив.

Он и вправду приходит как-то —
приносит выпечки и вина.
Смотрит ласково, шутит, мол, ну, кого это ты тут
прячешь в шкафу, жена?
Грейс кидается прибираться и мыть бокалы,
вся напряжённая, как струна.
А потом начинает плакать – скажи,
она у тебя красива? Она стройна?
Почему вы вместе, а я одна?..

Через год Стивен умирает, в одну минуту,
«увы, мы сделали, что смогли».
Грейси приезжает его погладить по волосам,
уронить на него случайную горсть земли.
И тогда вообще прекращаются буквы, цифры,
и наступают одни нули.

И однажды вся боль укладывается в Грейс,
так, как спать укладывается кот.
У большой, настоящей жизни, наверно,
новый производитель, другой штрих-код.
А её состоит из тех, кто не возвращается
ни завтра, ни через год.

И небес, работающих
На вход.

19–20 июня 2008 года.

От меня до тебя

От меня до тебя
Расстояние, равное лучшей повести
Бунина; равное речи в поиске
Формулы; равное ночи в поезде
От Південного до Киевского вокзала.
Расстояние, равное «главного не сказала».

Я много езжу и наедаюсь молчаньем досыта.
Мне нравится быть вне адреса и вне доступа.
Я представляю тебя, гундосого,
В царстве бутылок, шторок, железных прутьев, —
Спящим в купе, напротив.

Это, собственно, все, что есть у меня живого и настоящего.
Ни почтового ящика, столь навязчивого, ни вящего
Багажа; я передвигалась бы, будто ящерка
Век, без точки прибытия, в идеале.
Чтобы стук и блики на одеяле.

Это суть одиночества, сколь желанного, столь бездонного.
Это повод разоблачиться донага,
Подвести итоги посредством дольника,
Ехать, слушать колеса, рельсы, частоты пульса.
Чтобы ты прочел потом с наладонника
И не улыбнулся.

Чтобы ты прочел, заморгав отчаянно, как от острого,
От внезапного, глаз царапнувшего апострофа,
Как в je t'aime.
Расстояние как от острова и до острова,
Непригодных ни для рыбалок, ни для охот.
Все маршруты лежат в обход.

8 июня 2008 года.

Чёрный квартал

Майки, послушай, ты ведь такая щёлка,
Чтобы монетка, звякнув, катилась гулко.
Майки, не суйся в эти предместья: чёлка
Бесит девчонок нашего переулка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.